

М. Башмуров
участник войны
против милитаристской Японии

Шла вперед морская пехота ***(рассказ бывшего десантника)***

Это было двадцатого августа. Десантные корабли Северной Тихоокеанской флотилии – минный заградитель «Океан», сторожевой корабль «Зарница», торпедные и пограничные катера, транспорты торгового флота – подошли к рейду Маоко (Холмск) на рассвете. Берег был скрыт густым туманом.

Я был рулевым-сигнальщиком на торпедном катере. В десантной операции участвовал в сводном батальоне морской пехоты, вместе с товарищами находился на «Зарнице» в дивизионе, который матросы в шутку прозвали дивизионом ненастной погоды: в нем были еще сторожевые корабли с «погодными именами»: «Метель», «Вьюга», «Молния». Каждый из нас в этот рассветный час вспоминал митинг, который прошел в Советской Гавани накануне ухода кораблей на операцию. На нем мы поклялись освободить исконно русские земли и были полны решимости исполнить свой долг.

И вот два первых сводных отряда моряков и морских пехотинцев под командованием майора Гульчака и капитана Карпенка устремились на катерах к берегу. С первой группой десантов был высажен корректировочный пост в составе старшего матроса Н. Данилина, радиста В. Буянова, электросвязиста В. Ровбы. Командовать постом было приказано мне (в то время я был главстаршиной). Мы поддерживали связь с кораблями на рейде и о наступавшем отрядом капитана Карпенка.

По замыслу десант был дерзким, неожиданным для японцев. Они открыли огонь лишь тогда, когда первый эшелон овладел причалами и портовыми сооружениями. Наши малые корабли тем временем высаживали бойцов на причалы.

Пост сразу же засек огневые точки противника. Радист В. Буянов тут же передал данные на корабли. Заговорила наша артиллерия. Корректировка осложнялась плохой видимостью. Все же ответный удар 150-миллиметровых морских орудий подавил часть батарей и дзотов врага, облегчив наступление десантников.

Скоро моряки поста влились в роту капитана Карпенка. Нашим частям предстояло в первую очередь овладеть почтой, телеграфом, полицейским управлением, промышленными, предприятиями. Японцы старались сбросить десант в море. Но в порту швартовались тральщики и транспорты, в бой вступали новые части, техника. Десантники, развивая успех, освобождали улицу за улицей. Вскоре Маоко был в наших руках, Японцы, видя бесполезность сопротивления, подожгли город сразу в нескольких местах и отступили в глубь острова.

У меня сохранились фотографии тех лет. На одном из снимков — японские женщины и старики, вернувшиеся со скарбом в город. Они встретили на улице советских воинов и беседуют с ними. На лицах японцев — приветливые улыбки.

Многие из них уже поняли гуманизм советских людей, еще более ощутимый на фоне подлых действий фашиствующих самураев. Советские части тушили пожары, налаживали жизнь в городе, помогали населению. Реакционные японские вояки все не утихомиривались. Много их осталось, переодевшись в гражданское платье. Не одну

пулю пустили они из-за угла в наших бойцов. Продолжались поджоги жилых кварталов. Выгорали большие массивы. Были вредительства и иного характера. Так, не раз японские диверсанты отравляли питьевую воду в колонках. Бессмысленность этих актов очевидна. В первую очередь и в большей мере страдали мирные японские жители.

22 августа наши корабли покинули Маоко. Освободив Невельск, Горнозаводск и Монерон, 25 августа суда отшвартовались в Корсаковском порту. Гарнизон сдался, и город встретил нас белыми флагами. На причалах толпились японцы с белыми повязками на рукавах. Они помогали нам швартоваться. Это было в шесть утра, а к десяти часам моряки соединились с войсками Второго Дальневосточного фронта. Южный Сахалин был полностью освобожден.

В Корсакове была та же картина, что и в Холмске. Начались пожары. Загодя повредив шланги, самураи подожгли продовольственные склады. В один из дней наши химики обнаружили, что добавлены яды в хранилище. Лишь своевременно принятые меры избавили мирных японцев от жертв.

Недели через две жизнь наладилась...

Многие японцы, когда их репатриировали на родину, говорили: «Как жить будем? У нас нет денег, есть только руки. У вас этого достаточно, а там — мало».

Вскоре я демобилизовался и приехал в Холмск. 30 лет прошло с тех пор, Но. те далекие дни сорок пятого останутся в памяти навсегда.